

О НОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОГО БЫТА

[Статья вторая¹]

Прошедшую статью мы окончили словами, что, объяснив необходимость участия правительства в деле отменения крепостного права, мы должны заняться рассмотрением начал, на которых наилучшим образом может быть произведена эта реформа и которые полагаются в основание ей высочайшими рескриптами. В делах подобной важности следует людям, согласным между собою в общих принципах, присоединяться к системе, основываемой на этих принципах одним из исследователей², специально разбиравших вопрос во всех его подробностях. У каждого могут быть свои мнения о той или другой из этих подробностей, но излишними спорами о них не должно быть затрудняемо решение вопроса. Сообразно этому правилу думаем поступить и мы. Из многочисленных записок, составлявшихся по вопросу о прекращении крепостного права учеными исследователями нашего быта и сельскими хозяевами, мы избираем одну, которая составлена с наибольшею верностью принципам, вполне разделяемым нами, с наиболее точным применением этих начал ко всем подробностям великого дела, и принимаем эту записку, как выражение наших собственных мнений и желаний³. Само собою разумеется, что автор записки не ставится чрез это в необходимость ответствовать за те из подробностей нашего взгляда, прежде нами выраженных или долженствующих быть выраженными в продолжение наших статей, которые более или менее различны от его мнений; точно так же и мы не отказываемся от обязанности лично ответствовать за наши мнения. Дело только в том, что записка, нами принимаемая и представляемая здесь в извлечении, поставляется нами, как наилучшее развитие убеждений, с которыми мы совершенно согласны в общих началах, — поставляется как формула, около которой, по нашему мнению, могут соединиться все те, которые, подобно нам, разделяют эти основные убеждения.

Начнем наши извлечения из записки тем местом ее, в котором автор представляет краткий обзор истории частного крепостного права с начала прошлого века.

«Петр Великий, пересоздавший условия нашей внешней и внутренней жизни, не способствовал развитию крепостного права, как думают многие, но ничего не сделал, чтоб уничтожить или по крайней мере преобразовать его. Преемники Петра и не помышляли о крепостном праве. Впервые на него обращено внимание в великий екатерининский век: не только императрица, но и очень многие из тогдашних владельцев смотрели на крепостное право глазами энциклопедистов. Говорят, что в комиссию для составления нового уложения было представлено много мнений, сильно и решительно осуждавших это право. Но все тогдашние возражения против него, будучи отголоском филантропических и философических идей века, лишь поверхностно коснулись этого права, и взгляд той эпохи отразился и на законодательстве великой государыни: против дальнейшего распространения личного рабства, конечно, были приняты некоторые действительные меры, но зато множество казенных крестьян навсегда перешло, вместе с казенными землями, в помещичье владение.

Необходимость упразднить крепостное право впервые представилась ясно и отчетливо европейски-просвещенному уму императора Александра 1-го. Следы этой мысли всюду проглядывают в законодательстве его времени. Дальнейшему распространению крепостного права поставлены решительные преграды и круг действий его стеснен. Видно намерение по возможности уничтожить личное рабство, а крепостную зависимость истолковать в смысле прикрепления к земле. Наконец против жестокого обращения владельцев приняты энергические меры. Этот взгляд и это направление не изменилось и после, несмотря на решительный переворот в общем ходе русского законодательства с Венского конгресса. В этом отношении царствования императоров Александра 1-го и Николая замечательно сходны между собою. Покойный государь гораздо настойчивее и решительнее своего предшественника подготовлял постепенное упразднение крепостного права, — очевидное, поразительное доказательство того, что вопрос поднят не случайно, не по прихоти, но впоследствии побудительных причин величайшей важности.

Бросим беглый взгляд на эти причины.

В экономическом или хозяйственном отношении крепостное право приводит все государство в ненормальное состояние и рождает искусственные явления в народном хозяйстве, болезненно отзывавшиеся в целом государственном организме. Как в теле от неправильного обращения крови обнаруживаются самые разнообразные припадки и болезни, так в государстве от крепостного права.

Не упоминая о других последствиях несвободной и даровой работы, заметим только, что при такой работе, исполняемой лениво и неохотно, по крайней мере вдвое хуже вольной, весьма значительный процент рабочих сил всего крепостного населения России утрачивается без всякой пользы как для помещиков, так и для крепостных, а следовательно, и вообще для государства. По самому умеренному исчислению, потерю эту должно оценить ежегодно по крайней мере в 96½ миллионов рублей серебром*.

* Этот расчет основан на следующем: по 9-й народной переписи крепостных помещичьих крестьян (в том числе и однодворчески) числилось в России 10 030 407 душ муж. и 10 508 771 душа жен. пола. Положим (хотя это на деле и не так), что целая их половина — старики, старухи и дети — вовсе не употребляются в работу, что из остальных за тем (5 040 203-х душ муж. пола и 5 254 198 жен.) половина же, т. е. 2 520 102 мужчин и 2 627 099 женщин находятся на оброке и пользуются своим временем самым производительным образом, и только другая половина несет в пользу владельцев личную повинность работою, другими словами — находится на пашне или в издальи; наконец, положим, что последние, строго по закону, работают на своих владельцев не более трех дней в неделю (что тоже совсем иначе бывает в действительности); так как всеми почти хозяевами принято, что помещичьи крестьяне могут давать владельцу, без большого обременения, 140 рабочих дней в году,

В помещицком крепостном праве заключается если не единственная, то бесспорно одна из главнейших причин неправильного распределения сельского народонаселения в империи и искусственного направления его промышленной деятельности. Крепостной не всегда поселен там, где ему удобнее и лучше, и не всегда ведет именно тот образ жизни, который по местным условиям края был бы и для всего государства производительнее и для него самого выгоднее. Многие местности империи содержат, сравнительно, слишком частое население, другие, напротив, страдают отсутствием рабочих рук; там появляется бедность от недостатка земли, здесь остаются без употребления и без пользы пространства самые благоприятные для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помещицкое право приковывает крепостных к той или другой местности случайно и не дает огромным массам сельского народонаселения расселиться правильным образом. Но этого мало; весьма нередко, посреди народонаселения, занятого отхожими промыслами, у которого земледелие остается на руках одних лишь стариков, женщин и детей, — совсем некстати и неуместно лежит помещицкое село или деревня на издолье или на пашне. Как это делается? Владельцы, при направлении промышленной деятельности своих крепостных, не всегда соображаются с местными условиями края, и весьма часто только с собственными, нередко невежественными, случайными и для них самих убыточными понятиями о вещах.

Так, например, многие владельцы уверены, что они сохраняют нравственность своих крестьян, запрещая им отхожие промыслы; другие, в убеждении, что Россия должна быть государством земледельческим, а отнюдь не фабричным и заводским, сажают своих крепостных на тягло и пашню, вопреки самым несомненным указаниям местных условий; наконец очень, очень многие, даже наибольшая часть помещиков поступают так потому, что представляют себе крепостную деревню не иначе, как населенную крестьянами пашущими, косящими, жнущими и молотящими на своего барина, а другие, не имея иного источника дохода, кроме крепостной деревни, поселяются в ней на житье и сажают своих крестьян на пашню, чтоб иметь чем существовать и кормиться. Рядом с этим большинством попадаются, конечно, и такие владельцы, которые выгоняют на заработки народонаселение мало подвижное, по преимуществу земледельческое.

Политико-экономические результаты такого порядка вещей весьма бедственны для целого государства. Огромное большинство помещиков старается производить как можно больше всякого рода хлеба, не справляясь и даже не думая о том, стоит ли заниматься земледелием и не было ли бы выгоднее обратиться к другим промыслам. Помещики не думают об этом потому, что пользуются трудом своих крепостных даром, а вследствие этого рассчитывают свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговым ценам на хлеб, а не принимают, да и не могут принимать в расчет, сколько они издержали на получение своего дохода. С первого взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тем в нем именно и заключается главнейшая причина постепенного и повсеместного обеднения наших помещиков и крестьян. Не имея возможности рассчитать, в сколько ему самому обошлось производство хлеба, помещик не в состоянии определить и низшей,

то и выйдет, что вообще число рабочих дней, отбываемых крепостными в пользу владельцев, простирается до 351 814 140 дней мужских и 367 807 508 женских. Дворовых, по 9-й народной переписи, числилось 521 939 душ муж. и 513 985 жен. пола. Применив к ним предыдущие расчеты, найдем, что из них взрослых, способных к работе и службе, 260 969 мужчин и 256 992 женщин. Если из них тоже половина, т. е. 130 484 души муж. и 128 496 жен. пола, ходят по оброку, а прочие служат и работают своим господам не более 280 дней в году, т. е. исключая воскресенья и праздники, то повинность дворовых составит ежегодно 36 535 620 дней мужских и 35 978 880 дней женских. Таким образом, если крепостная работа только вдвое хуже вольной, то и в таком случае для народной промышленности и производительности теряется ежегодно по крайней мере 389 349 660 дней мужских и 403 786 400 дней женских. Оценив каждый мужской рабочий день в 14½ коп., женский в 10 коп. сер., найдем, что ежегодно теряется на мужских рабочих днях до 56 455 700 рублей, а на женских до 40 378 640 рублей, всего до 96 834 340 рублей.

наименьшей цены, ниже которой нельзя ему продать хлеба, не потерпев убытка, и потому наибольшая часть помещиков соображается только с торговыми ценами и с своими потребностями. Выжидать хороших цен на хлеб в состоянии лишь очень немногие владельцы; а большинство, имея крайнюю нужду в деньгах, готово отдать свой хлеб по существующим ценам. Кто же устанавливает торговые цены на хлеб? Торговцы, хлебные барышники и скупщики, которые руководствуются при этом одними своими, конечно совершенно безобидными для себя соображениями, и по стачке между собою умышленно поддерживают самые низкие цены в местах закупки, пока весь хлеб ими не скуплен. Если б от этого терпели одни владельцы, то и тогда вред был бы очень велик и важен; но, к довершению несчастья, от такого порядка дел несут чувствительные убытки не одни помещики, но вместе с ними и крестьяне. Первые по крайней мере столько же поставляют хлеба на рынки, сколько крестьяне, если не более. Роняя его цену, частью по неведению, частью по необходимости, они сбивают ее и с крестьянского хлеба. Таким образом выходит, что владельцы не только пользуются половиною крестьянского труда даром, но даже и остальную половину делают гораздо менее производительною посредством искусственной дешевизны хлеба, чем бы она могла быть, если б не существовало крепостного права *. След., давлением на хлебные цены крепостное помещичье право поражает всех, кто в России живет и кормится от земли. Каждый год это давление становится все пагубнее, потому что необходимость изворачиваться из нужды с каждым годом делается для владельцев и для крестьян настоятельнее, так как расходы растут, а доходы уменьшаются, след., зависимость производителей от хлебных торговцев и рыночных хлебных цен становится все безусловнее. Конечные последствия этого хода дел, в весьма непродолжительном времени, при продолжении крепостного права заключались бы в совершенном обеднении и владельцев и крестьян; а возрастающее, соответственно тому, уменьшение государственных доходов поставило бы и правительство в самое трудное положение. Приближение этого состояния мы уже начинали мало-помалу ощущать.

Наконец, осуждая на даровой труд огромные массы людей, владельческое крепостное право делает вольнонаемных менее нужными и тем сбивает цены на труд вообще. От этого не только терпят низшие классы, но и само правительство, потому что чем меньше кто зарабатывает, тем он беднее, тем меньше проживает, и, следовательно, тем меньше платит податей и пошлин».

Изложив потом вредное влияние крепостного права на нравственное чувство человека и характер его обращения с другими людьми, записка продолжает:

«Рядом с этими печальными явлениями развиваются и другие. Вследствие крепостного права владелец с детства приобретает привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное течение мыслей невольно приводит его к убеждению, что так как крепостные его должны на него рабо-

* Многие приписывают дешевизну хлеба в России не крепостному праву, а отсутствию путей сообщения, которые уравнили бы цены на хлеб в разных местностях империи. Сильное влияние этой причины, конечно, отрицать нельзя, но все же она не главная, а второстепенная. В целой империи всегда есть большой избыток хлеба, и местные неурожаи не истощили бы его никогда, если б и был удобный подвоз хлеба из губерний им избыточных, в места, терпящие в нем недостаток. Пути сообщения облегчили и усилили бы сбыт нашего хлеба также и на заграничные рынки, но и то не постоянно, а от времени до времени, именно при более или менее общих и сильных неурожаеях в Западной Европе. За всеми этими расходами все же оставались бы в России огромные запасы хлеба, которые, при удобных путях сообщения, никогда не дали бы ценам на хлеб возвыситься, а, напротив, скорее понижали бы их все более и более. Чтоб поднять в России цены на хлеб и тем возвысить благосостояние владельцев и крестьян, нужны две вещи: хоть какая-нибудь соразмерность производства хлеба с потребностью в нем и свободное установление на хлебном рынке того minimum, ниже которого цены на хлеб упасть не могут. Оба эти требования в равной степени совершенно невыполнимы, пока существует у нас крепостное право.

тать даром, то он может, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дела свои управляющему, бурмистру или старосте, а сам — веселиться, жить в столице, в чужих краях или где бы то ни было для удовольствия собственной своей особы, удовлетворяя одним своим прихотям и более не думая ни о чем. Кому не приятен досуг, и кому не тяжок труд, особливо у нас, где потребность труда еще не обратилась во вторую природу? Многие помещики думают также: зачем и учиться, когда есть имение, которое доставляет порядочный доход, а следовательно, и связи, и знакомства, и все что нужно? Эти естественные, почти невольные рассуждения, особливо в очень молодых летах, делают большинство помещиков с детства праздными и равнодушными к своему образованию и развивают в них привычку жить трудами чужих рук. Так мало-помалу из них выходят праздные люди, которые, лишившись, обыкновенно по своей же вине, своего состояния, считают государство обязанным снабжать их всем, что им нужно, давать им средства не только на необходимое, но даже на прихоти.

Подобно господам рассуждают и крепостные, — особенно крестьяне, сидящие на господской пашне, и дворовые люди. Они охотно предаются лени и тунеядству, в той мысли, что если у них не достанет хлеба, падет скот, сгорит изба, то барин обязан им дать все это; мысль в основании своем справедливая, но к которой всегда примешивается злорадное чувство, что господин, который пользуется их трудами и работой даром, сам будет нести и убытки за эту неправду.

«На все гражданские и житейские отношения крепостное право производит подобное же влияние», — говорит записка.

«У нас нет порядочной домашней прислуги, даже наемной, потому что ряды ее наполняются крепостными, бывшими или настоящими, уже развращенными; у нас нет надежных второстепенных органов промышленности и гражданских сделок, конторщиков, приказчиков, стряпчих, поверенных и т. п., — потому что и эти звания наполняются или из бедного дворянства, или из вольноотпущенных.

Дети господ и крепостных с колыбели попадают под горестное влияние этого несчастного права и чрез всю жизнь несут на себе неизгладимую печать его.

С тех пор, как крепостное право водворилось на русской почве, несколько раз государство стояло, благодаря ему, на краю гибели. Оно было одною из главных причин наших несчастий в начале XVII века; бунты Стеньки Разина, Пугачева и других, менее известных героев и атаманов буйной вольницы, все эти разрушительные элементы восставали и поднимались из мутных источников крепостного права; из того же источника возникли гайдамаки; огромные толпы, чуть-чуть не полчища разбойников, опустошавшие Россию в XVII, XVIII и даже в начале XIX века, вербовали своих подвижников преимущественно из крепостных. Теперь, когда нравы несколько смягчились, изменились и формы восстаний крепостных людей, удержав, однако, тот же опасный для государства характер. Нет такого неслышного слуха, нет такого неправдоподобного повода, который бы не служил для крепостных достаточным предлогом для предъявления старинных притязаний на освобождение. Вспомним движение огромных масс людей (до 30-ти тысяч) из Могилевской и Витебской губерний по одному слуху, что правительство дает свободу тем, которые будут работать в течение известного времени на С.-Петербургско-Московской железной дороге; вспомним другое движение огромных масс народа из Саратовской, Симбирской и сопредельных губерний в какую-то обетованную страну в Киргизской степи, где будто бы раздаются земли даром; вспомним подобные же движения масс во многих центральных губерниях по случаю издания манифеста о морском ополчении и, наконец, недавние волнения в Киевской, Воронежской и других губерниях по случаю ополчения государственного.

Впрочем, это только одна сторона политической опасности, которою нам грозило крепостное право; есть другая, с первого взгляда менее заметная, но в существе не менее действительная. Крепостное право есть камень преткновения для всякого успеха и развития в России.

Защищая это право последовательно, во всех малейших подробностях, дворянство вместе с тем, по необходимости, затрудняло и всевозможные другие внутренние преобразования, своевременность и даже настоятельность которых сознают единогласно и правительство и народ. Нельзя отрицать, что, действуя так, дворянство поступало очень последовательно, ибо во сколько-нибудь значительные внутренние преобразования в России, без изъятия, так неразрывно связаны с упразднением крепостного права, что одно не возможно без другого; а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляясь и другому. Так, например, преобразование рекрутского устава было невозможно, потому что оно повело бы к уничтожению крепостного права; невозможно было изменить теперешнюю податную систему, потому что корень ее — в том же праве; нельзя было, по той же самой причине, ввести другую, более разумную паспортную систему; невозможно было распространение просвещения на низшие классы народа, преобразование судоустройства и судопроизводства, уголовного и гражданского, полиции и вообще администрации и цензуры, потому что все эти преобразования прямо или косвенно повели бы к ослаблению крепостного права. Вот почему Россия осуждена была окаменеть, существовать в прежнем виде, не подвигаясь ни шагу вперед. И ничто не в силах было изменить этого положения, пока крепостное право составляло основу нашей общественной и гражданской жизни; ибо это гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы. Самые благонамеренные усилия государей и отдельных лиц, правительственных и не правительственных, поправить наше теперешнее внутреннее положение оставались тщетными, пока существовало у нас крепостное право.

Таковы главные последствия этого права. То, что некоторые приводят в его пользу, едва заслуживает упоминания.

Крепостные, говорят некоторые, еще не созрели для свободы. Но государственные крестьяне разве более развиты? Однако они пользуются же гражданскими правами.

Помещики, думают другие, суть лучшие полицеймейстеры, которые притом ничего не стоят правительству. Но кто же видал, спросим мы, чтоб в благоустроенном государстве полиция имела у себя почти в безусловном подданстве подведомственных ей людей? Притом казне эти так называемые полицеймейстеры обходятся, конечно, дешево, но государству — очень дорого. В этом, надемся, никто не сомневается.

Помещики в России суть главные поставщики хлеба на рынки, говорят третьи, а с упразднением крепостного права кто будет производить хлеб в таком огромном количестве? Против этого заметим, что если даже теперь, в губерниях наиболее хлебородных, разного звания люди, в том числе и купцы, находят выгодным для себя покупать или снимать землю, обрабатывать ее наймом и полученный с нее хлеб продавать, то мы не видим причины, почему бы того же самого не могли делать и владельцы после упразднения крепостного права. Прибавим к этому, что и теперь крестьяне, крепостные и не крепостные, поставляют на рынки огромные массы хлеба, и их хлеб нередко бывает даже лучшего качества, чем господский. Почему бы все это изменилось с освобождением крепостных? Мы не видим причины.

Аристократия падет в России с освобождением крестьян, восклицают четвертые. Но какая причина пасть дворянству, когда крестьяне будут свободны? Нет ни одного государства в целой Европе, где бы не было высшего сословия, наследственного или ненаследственного, а крепостных в Европе нигде уже нет. Почему же этому быть иначе у нас, чем в других странах? Не понимаем.

После всего сказанного, легко понять, почему помещичье крепостное право обратило на себя особенное внимание императоров Александра I и Николая I:

они не могли не знать, что мысль об упразднении этого права не есть одна лишь мечта праздного ума, воспитанного на иностранных книгах и на пустых возгласах, но что, напротив того, она вытекает из действительных и существенных потребностей России, удовлетворение которых не может и не должно быть отлагаяемо в слишком долгий ящик. Оттого оба государя, в течение целого полувека, ревностно и неутомимо противодействовали помещицкому крепостному праву.

Почему же усилия их не увенчались успехом и крепостное право существовало у нас почти в прежнем своем виде, с самыми лишь поверхностными и незначительными смягчениями?

Причин этому очень много.

Вопрос о крепостном праве не был достаточно зрело обсужден; цель стремлений правительства не была определена совершенно ясно; наконец правительство не прибегало к средствам, ведущим к цели ближайшим и вернейшим путем.

Истина и время взяли, однако, свое. Есть верные признаки, что теперь наше провинциальное дворянство начинает просвещеннее и разумнее смотреть на крепостное право и на необходимость преобразования его. Это и понятно. Губернское дворянство хорошо знает свои имения и своих крепостных; оно видит Россию, хотя и не всю, но зато лицом к лицу; наконец оно ближе понимает свои пользы и свое положение.

Мирное, благодетельное для России разрешение вопроса о крепостном помещицком праве делается возможным с той минуты, когда все стороны этого вопроса приняты в соображение, все связанные с ним интересы, государственные и частные — взвешены и уважены и когда, на основании предварительного, зрелого обсуждения, составится подробный, обстоятельный план упразднения крепостного состояния.

Представим здесь опыт такого плана, конечно в самых лишь общих чертах.

Вопрос об упразднении помещицкого крепостного права заключает в себе два следующие: на каких началах или основаниях должно у нас совершиться освобождение помещицких крепостных? и какие суть лучшие средства или способы освобождения?

Главные начала или основания, на которых надлежит совершиться освобождению помещицких крепостных, могут быть определены лишь по рассмотрении всех интересов, которые сходятся в крепостном праве и в нем связаны как бы в один узел. Эти интересы суть: частные — владельцев и их крепостных, и общественные или правильные государственные.

Интерес владельцев в крепостном праве очевиден. Они защищают в нем свое имущество, дошедшее к ним законным порядком и потому во всяком случае составляющее их неотъемлемую гражданскую собственность. Этого их права добросовестно отрицать нельзя: все исторические доводы и юридические тонкости, приводимые в опровержение помещицкой власти, как гражданского права, не колебля ее нисколько, только запутывают и затемняют вопрос.

Столько же очевиден и интерес крепостных. Он заключается в полном, личном освобождении их от владельцев, с удержанием той земли, которую владеют и пользуются для себя, избы, в которой живут, и всего движимого и недвижимого имущества, которое приобрели собственными трудами или наследовали от отцов своих.

Наконец интересы государства совершенно совпадают с пользами владельцев и крепостных. По изложенным выше причинам, для государства необходимо, чтобы крепостное право прекратилось в России, но так однако, чтоб при этом права и интересы обеих сторон — помещиков и крепостных — были вполне сохранены и уважены.

Необходимость последнего условия очевидна, даже при самом поверхностном взгляде.

Государство не может ни желать, ни допустить освобождения крестьян без вознаграждения владельцев, и на это имеет самые основательные причины. Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях; во-вторых, оно внезапно повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей в России, что, по крайней мере сначала, могло бы, во многих отношениях, иметь неблагоприятные последствия для всего государства; в-третьих, владельцы тех имений, где обработка земли наймом больше будет стоить, чем приносимый ею доход, с освобождением крепостных совсем лишились бы дохода от этих имений. Не получив вознаграждения, многие из них на первый раз, а иные, может быть, и навсегда, были бы осуждены на самое бедственное существование или даже остались бы на руках у правительства, которое через это было бы вовлечено в чрезвычайно обременительные издержки и пожертвования.

По соображениям, столько же важным и настоятельным, правительство вынуждено также обратить все свое внимание и на возможно большее личное и вещественное обеспечение крестьян при освобождении их от власти помещиков. Так, в видах общественной тишины и порядка, правительство не может допустить сохранения зависимости бывших крепостных от их бывших помещиков, иначе беспрестанные столкновения между теми и другими, неудовольствия, бесконечные тяжбы и несправедливые взаимные претензии размножились и продолжались бы вечно, а на беспристрастное разбирательство и решение процессов между помещиками и их прежними крепостными долго еще нельзя рассчитывать, потому что много пройдет времени после освобождения, а судебная и полицейская власти все еще будут находиться по преимуществу в руках дворянства и землевладельцев. Равным образом правительство ни под каким видом не может согласиться на увольнение крепостных без земли, потому что чрез это сельское население было бы поставлено, если не по праву, то на самом деле, в слишком большую материальную зависимость от владельцев, или же, наскучив эту зависимость, потеряло бы мало-помалу оседлость, для водворения которой в низших сословиях столько принесено жертв, столько сделано усилий, и стало бы, попрежнему, переключиваться из одного края России в другой, к явному вреду, к явной опасности для государства во всех отношениях.

Некоторые думают, что у нас есть достаточно казенных земель для поселения на них всех помещичьих крепостных после их освобождения. Отсюда заключают, что следовало бы освободить крепостных лично, без земли. Но возможность осуществления такой мысли неправдоподобна по недостатку земли; даже нежелательно, чтоб эта мысль могла осуществиться. Водворение вновь двадцати одного миллиона людей на государственных землях и на счет государственной казны — план, слишком уродливый, чтоб можно было на нем остановиться. Какой человек с здравым смыслом станет серьезно доказывать возможность нового переселения народов, с покрытием потребных на то издержек из сумм государственного казначейства!

Из всего сказанного следует, что освобождение помещичьих крепостных должно совершиться на следующих главных основаниях:

1) Крепостных следует освободить вполне, совершенно, из-под зависимости от их господ.

2) Их надлежит освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею.

3) Освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев.

Принять эти начала за основания при разрешении вопроса о помещичьем крепостном праве велит и строгая справедливость и государственная польза, которые здесь, как всегда и во всем, совпадают в своих требованиях.

Что касается средств или способов приведения этих основных начал в исполнение, то в этом отношении представляются следующие соображения:

1) Количество земли, с которым помещичьих крепостных следовало бы освободить, может быть определено различно. Их можно выкупить: а) со всею землею, принадлежащую к имению, в котором они поселены, б) с определенным большим или меньшим количеством десятин на тягло или на душу, смотря по местности, и в) с тою лишь землею, которая находится в действительном владении и пользовании помещичьих крепостных.

Первый способ — выкуп со всею землею, принадлежащую к имению — весьма неудобен. Он потребовал бы огромных капиталов, и не только не принес бы пользы, но, напротив, имел бы вредные последствия. В имениях многоземельных, и даже большей части издельных вообще, для крестьян было бы слишком много всей земли, принадлежащей к имению; следовательно, она перешла бы в казенное заведывание, и чрез это, как вообще при казенном управлении, стала бы давать гораздо меньше дохода. В то же время чрез это почти исчезла бы в России частная поземельная собственность, а с нею и все ее благотворительные последствия для промышленности и сельского хозяйства; ибо опытом дознано, что частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и большими хозяйствами суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности.

Второй способ, выкуп определенного количества десятин земли на тягло или на душу, почти совершенно невозможно привести в исполнение. В самом деле, как назначить количество десятин, подлежащих в каждом имении выкупу, так, чтоб было безобидно и для владельцев и для крепостных? Подобное назначение потребовало бы многолетних, невероятных трудов, огромных издержек, подало бы повод к тысячам произвольных действий, злоупотреблений и столкновений, которых невозможно было бы ни открыть, ни преследовать по громадности и сложности операции; наконец, что может быть всего важнее, такая мера породила бы большую шаткость и неопределенность поземельного владения во все время, пока продолжалось бы освобождение крестьян.

Затем остается последний способ — выкупить только ту землю, которая находится в действительном владении и пользовании крепостных. Этот способ бесспорно лучший и удовлетворяет всем требованиям, сохраняя и утверждая, без всяких изменений, поземельное владение, установившееся издавна и к которому привыкли и помещики и крепостные; кроме того, такой способ и не потребует никаких особенных издержек и не может возбудить больших недоумений и неизвестности прав*.

Некоторые предлагают выкупить помещичьих крепостных с тем лишь количеством земли, какое нужно для удержания их оседлыми на теперешнем их месте жительства, но которого было бы совершенно недостаточно для прокормления с их семействами. Цель та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьян к их родине, земле и двору, побудить их поневоле нанять землю у соседних землевладельцев. Такая система выкупа, в губерниях почти исключительно земледельческих, могла бы, может быть, действительно принести пользу владельцам, доставя им, и то вероятно только сначала, выгодных арендаторов и дешевых рабочих. Но правительство может ли согла-

* Разрешение некоторых частных случаев сомнений и вопросов понадобится, конечно, и при этом способе. Так, например, может случиться, что владелец, желая уменьшить количество отходящей от него с крепостными земли, в ожидании выкупа, отнимет у них большую часть земли, которую они до того времени действительно владели и пользовались. Возможность таких случаев потребует более точного определения, что должно разуметь под выражением: «земли, находящиеся в действительном владении и пользовании крепостных». Далее: необходимо будет определить количество земли, подлежащей выкупу в Южной и Юго-Восточной России, где существует залежное хозяйство и нет у крестьян постоянного землеустройства в одних местах. Необходимо также будет решить весьма важный вопрос: не должно ли, напротив, следует, и в таком случае на каких именно основаниях следует, выкупать у владельцев — сенокосы, леса, выгоны, водопой и т. п. Очевидно, однако, что разрешение этих и других подобных вопросов представит несравненно менее затруднений, чем приведение в исполнение двух первых способов.

сится на такую меру? Конечно, нет! Ему не должно смотреть на государственные вопросы, ослепляясь выгодами одних помещиков. В данном же случае выиграла бы — и то не наверное — они одни, а государство и крепостные непременно бы потеряли, ибо владельцы получили бы возможность, к крайнему стеснению бывших их крепостных, поднять наемную плату за свои земли или же умалить плату рабочим и работникам. Последствием этого было бы одно из двух: или бывшие крепостные впали бы в крайнюю нищету и обратились в бездомников и бобылей, — нечто вроде сельских пролетариев, которых у нас покуда, слава богу, очень мало, — или стали бы толпами выселяться в другие губернии и края империи. В том и другом случае правительство, поддерживая быт выкупных крепостных на местах или способствуя их переселению, было бы вовлечено в несравненно большие издержки, чем выкупив их с самого начала со всею землею, которою они теперь действительно владеют*.

2) Вознаграждение помещиков за отходящих из их владения крепостных с землею тоже может быть произведено различным образом, а именно: а) вознаграждение может быть выдано за одну лишь землю, за освобождением крепостных даром, или же и за землю и за крепостных; б) мерилом вознаграждения могут быть приняты или цены, по каким-нибудь соображениям установленные правительством и уменьшенные против действительности, или же существующие на местах, во время выкупа, средние цены, как населенных имений вообще, так и земли и душ в отдельности; наконец, в) самый порядок вознаграждения помещиков может быть установлен различный. Так правительство может признать более удобным производить владельцам плату следующей за их имение суммы постепенно, на основании банковых правил, определяя ежегодный платеж предполагаемым или действительно вычисленным средним доходом с выкупленных имений, или же процентами с выкупной суммы, назначив величины процентов применительно к правилам наших кредитных установлений, или же согласно с законами гражданскими и торговым уставом о займах между частными лицами и ссудах коммерческих. Но точно так же правительство может всю следующую за выкупные имения сумму выплатить владельцам за один раз.

Подробное рассмотрение всех этих способов вознаграждения помещиков приводит к заключению: 1) что выплата им денег за одну землю, не принимая в расчет крепостных людей, была бы весьма несправедлива и неуравновешенна. Несправедлива, потому что крепостные составляют такую же собственность владельцев, как и земля; неуравновешенна — потому что только в некоторых губерниях, преимущественно густо населенных и земледельческих, земля имеет большую ценность, а крепостные почти никакой или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных или хотя и земледельческих, но мало населенных, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных; 2) что допущение, при выкупе крепостных, каких бы то ни было особливых расчетов (как, например, оценки теряемой крепостной работы и т. п.) с целью по возможности уменьшить следующее владельцам вознаграждение подало бы только повод к самым несправедливым и произвольным действиям и, не сокращая существенно расходов на выкуп крепостных, только стеснило бы владельцев и надолго затянуло бы ход дела; 3) что по тем же самым причинам было бы неудобно назначить владельцам вознаграждение по расчету дохода, которого они, с выкупом крепостных, лишаются,

* О том, на каких основаниях освобожденные крепостные могли бы впрямь владеть выкупленною землею, здесь говорить не место. Заметим мимоходом, что все юридические обязанности собственно великорусов и белорусов указывают на общинную, а не личную наследственную поземельную собственность, и мы пока не видим достаточной причины постать на эти обычаи, заключающие в себе, повидимому, плодотворное начало устройства у нас поземельных прав на новых началах, которые теперь можно лишь смутно претугатывать. Во всяком случае совершенно было бы необходимо по мере выкупа крестьян с землею запретить им продажу и залог выкупленных земель под каким бы то видом и предлогом ни было, по крайней мере на 30 лет; ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьян, на первых же порах, прежними их владельцами и другими за бесценок, как отрасли и случилось в Пруссии.

потому что у нас невозможно определить даже приблизительно средний доход от наибольшей части помещичьих имений; 4) что хотя выкупом крепостных на основании банковских правил справедливость не была бы нарушена, однако на развитие промышленности в России такого рода выкуп имел бы, по крайней мере на первых порах, много лет сряду, неблагоприятное влияние. Освобождение крепостных, как уже выше замечено, потребует немедленного постановления наших помещичьих хозяйств на коммерческую ногу, а это можно сделать не иначе, как с помощью более или менее значительных одновременных чрезвычайных издержек, которые понадобятся почти в ту же самую минуту, когда совершится освобождение. При стесненном положении нашего дворянства ему неоткуда взять капиталов, необходимых для покрытия таких чрезвычайных издержек. Поэтому, если вся выкупная сумма не будет уплачена владельцам, при самом освобождении их крестьян, сельское хозяйство в России понесет весьма чувствительный вред, от которого не скоро оправится, а это, в свою очередь, будет иметь неблагоприятное влияние на все государство.

Итак, владельцев следует вознаградить за выкупаемых у них крепостных самым простым и самым справедливым образом: оценить крепостных с следующей им землю по существующим на месте ценам, как можно добросовестнее, как можно ближе к истине, и затем выдавать всю выкупную сумму сполна при самом отчуждении крепостных из частного владения. Только такой способ выкупа, не внося в важное государственное дело освобождения никаких искусственных и произвольных условий, напротив, принимая за исходную точку существующий ныне порядок дел, в состоянии приготовить преобразование сельскохозяйственного быта России легко, почти незаметно; ибо только при помощи такого способа, примиряющего пользы всех, новое начнет заступать место старого без перерыва и с необходимою постепенностью.

Многие думают, что операцию выкупа крепостных следовало бы произвести одновременно с ликвидациею долгов, лежащих на дворянских имениях по ссудам из кредитных установлений. Зачет сделанных ссуд, — так думают они, — значительно уменьшит выкупную сумму, которая будет причитаться помещикам. Мы с своей стороны полагаем, что слияние этих двух операций отняло бы у помещиков средства, необходимые для немедленного устройства их хозяйств согласно с новыми экономическими условиями и уменьшило бы массу денег, которая бы без того поступила в обращение. Оба эти последствия, без сомнения, имели бы на внутренний быт государства такое неблагоприятное влияние, что с ним не может идти в сравнение неудобство внутреннего или внешнего долга, сделанного для выкупа крепостных и равняющегося предполагаемой к зачету сумме. Такой зачет следовало бы допустить в той только части долга кредитным установлениям, которая недостаточно бы обеспечивалась остающейся за владельцами после выкупа частью их имений.

3) Для определения количества земли, которое действительно находится во владении крепостных и подлежит выкупу, и для назначения суммы, следующей владельцу за выкупаемое имение, следовало бы учредить по уездам оценочные комиссии, составленные наполовину по выбору из местных владельцев, наполовину по назначению правительства из невладелцев, однако коротко знакомых с местным бытом и условиями края. Если владелец и крепостные с приговором комиссии по означенным двум предметам согласятся, то он получает законную силу; в противном же случае поступает на окончательную ревизию губернской оценочной комиссии, составленной на изложенных выше основаниях из владельцев и невладелцев. Кроме того, надлежало бы учредить особенную центральную комиссию для руководства оценочных комиссий в их действиях, для разрешения их вопросов, сомнений и всех тех частных случаев, кои возбуждают споры и недоразумения по недостаточности или неясности правил, данных в руководство оценочным комиссиям.

4) Собственно финансовая операция по выкупу крепостных могла бы быть возложена на нарочно для того учрежденный банк, на следующих осно-

ваниях: а) по постановлениям оценочных комиссий, вошедшим в законную силу, выкуп крепостных совершается или ими самими, — взносом выкупной суммы сполна или только частью, или же банком — посредством выплаты владельцу всей суммы или только той ее части, которая не дознана к крепостным; б) банк делает уплаты особливими билетами, которые всюду принимаются наравне с билетами прочих кредитных установлений и обеспечиваются правительством звонкой монетой не менее, как в шестой части их нарицательной цены; в) выплаченная владельцами из банка сумма зачисляется долгом на выкупленном имении с уплатою в 37-летний или другой, более продолжительный, срок по равной части ежегодно; процентов же на выкупленных крепостных начислять: с капитала обеспечения по пяти процентов ежегодно; со всего же выкупного капитала, выплаченного владельцам, не более как сколько нужно для покрытия всех издержек выкупной операции, а по выплате бывшими крепостными $\frac{5}{6}$ частей выкупного капитала, оплачивать процентами уже не весь капитал обеспечения, а только ту его часть, которая обеспечивает оставшийся не погашенным выкупной капитал рубль за рубль; г) по мере уплаты выкупленными крепостными лежащего на них выкупного долга выпущенные банком билеты надлежит извлекать из обращения * и д) по совершенном погашении бывшими крепостными выплаченного за них помещикам выкупного капитала владеемую ими выкупленную землю обратить в полную их собственность на правах государственных крестьян, водворенных на собственных землях.

5) Так как выкуп крепостных предполагается производить по существующим на местах ценам, без всякого их уменьшения, то перевод всякого рода долгов, казенных банковых и частных, сделанных самими владельцами под залог населенных их имений, на выкупленных у них крестьян ни в каком случае допускать не должно. Вследствие этого означенные долги обеспечатся тою только частью имений, которая останется собственностью владельцев, и, согласно с этим, права кредиторов на следующую владельцам выкупную сумму будут определяться действующими законами, без всякого изменения. Только по ссудам из Кредитных Установлений должно бы допустить льготу, о которой упомянуто выше (во 2-м пункте в конце).

6) Для успеха дела совершенно необходимы были бы: а) предварительное опубликование целого плана освобождения крепостных во всеобщее известие, с предоставлением права обсуждать его во всех отношениях и во всех подробностях. Такое рассмотрение проекта частными лицами дало бы правительству возможность, при окончательном издании закона о выкупе крепостных, исправить вкравшиеся в проект недостатки, неточности и ошибки; б) возможная гласность хода всей операции, начиная с первого закона о приступлении к выкупу и оканчивая последним взносом выкупленными следующей с них в банк суммы; наконец в) строжайшая справедливость, правосудие

* Из сельскохозяйственной статистики Смоленской губернии, изданной г. Я. Соловьевым (Москва, 1855) видно, что в этой губернии общее число крепостных составляет 378 038 муж. пола душ; при среднем наделе на душу по 13 дес. земли, средняя цена души есть 117 руб. Положим, что в действительном владении крепостных находится целая половина общего количества земель, какое приходится на душу (что невероятно, ибо в том же числе положены и господские усадьбы, сенокосы, леса и т. п.); так как средняя цена незаемленной десятины в губернии есть $\frac{5}{2}$ руб., то при выкупе помещичьих крепостных Смоленской губернии пришлось бы заплатить владельцу за каждую выкупаемую душу, средним числом 117 руб. ($\frac{61}{2}$ дес. $\times \frac{5}{2}$ руб. = 35 руб. 75 коп.) = 81 руб. 25 коп. След. на выкуп в Смоленской губернии всего крепостного населения потребовался бы капитал в 30 715 587 руб. 50 коп., и фонд обеспечения в 5 119 264 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп. Если крепостные будут платить ежегодно не более полутора процента на выкупной капитал, то это даст в первый год сайшком 153 500 руб. дохода, который хотя в каждый следующий за тем год и будет уменьшаться на 4 151 руб., но все же образует сумму, с избытком достаточную на покрытие издержек всей выкупной операции, не только по одной, но и по нескольким и даже по многим губерниям. С причислением этого полутора процента и 5 процентов на капитал обеспечения ежегодный платеж каждой выкупленной души на погашение долга, при разложении выкупного капитала лишь на 37 лет, составит в первые 30 лет только от 2 р. 89 к. до 2 р. 55 к., — а после того и эта сама по себе незначительная плата еще более будет понижаться. Не должно при этом забывать, что Смоленская губерния по количеству крепостного населения занимает, вместе с Тульскою, первое место в целой империи.

и добросовестность как при определении и выплате выкупных сумм, так и при назначении количества выкупаемой земли.

Вот в общих чертах план упразднения помещичьего крепостного права. Так как в этом праве сходятся интересы и владельцев, и крепостных, и государства, то каждый из этих трех элементов принял бы деятельное участие и в разрешении задачи: дворянство — подвергаясь внезапному переходу к совершенно новому порядку хозяйства, польза которого для всего владельческого сословия в массе не подлежит сомнению, но который в применении тому или другому лицу может вести к большим убыткам и даже к совершенному расстройству; крепостные — выплачивая полное вознаграждение владельцам; правительство — обеспечивая всю операцию своим кредитом и звонкою монетою.

Кто знает Россию, кто понимает ее великое призвание, тот не сомневается, что ей прежде всего необходимы мирные успехи, которые, впрочем, не только у нас, но и везде вернее и прочнее всяких других.

Начав выкуп крепостных, следовало бы в то же время содействовать к упразднению крепостного права *разными косвенными мерами и полумерами*, которые подготовили и значительно облегчили бы выполнение изложенного плана выкупа, в обширных размерах, во всей России. Указания на такие меры и полумеры содержатся в нашем законодательстве и наших правах: стоит только развить их в правительственные распоряжения.

Император Александр I старался *количественно* уменьшить число крепостных и *качественно* придать крепостному праву значение не непосредственной личной зависимости крепостных от господ, а зависимости, как бы происходящей вследствие того, что земля принадлежит помещикам, а крепостные крепки земле. В обоих этих направлениях очень многое остается еще сделать административным и законодательным порядком.

Владельцы, из различных побуждений, нередко сами желают предоставить свободу своим крепостным на различных условиях, а крепостные, с своей стороны, тоже готовы откупиться: тем и другим надлежало бы всячески содействовать.

Огромное большинство помещиков, даже при сердечной доброте и благонамеренности, не знают и не понимают вопроса об освобождении, — им и в мысль не приходит, что с упразднением крепостного права они сами во всех отношениях выигрывают; следовало бы употребить все меры, чтоб дворянство и чиновники имели возможность сами убедиться в пользе и даже необходимости освобождения крепостных, и содействовали в этом отношении видам правительства не нехотя, а добровольно и сознательно.

Согласно с сказанным можно бы принять в отношении к освобождению крепостных следующие косвенные меры:

I. Продолжая деятельность императоров Александра I и Николая издать ряд постановлений, которые, не касаясь существа крепостного права, ограничили бы, однако, его дальнейшее географическое распространение, положили бы предел размножению лиц, которые этим правом пользуются, и наконец способствовали бы уменьшению количества помещичьих населенных имений. Таким образом: 1) для прекращения дальнейшего географического распространения крепостного права: а) запретить основание, где бы то ни было, новых поселений на крепостном праве; б) запретить переселение крепостных из одного имения в другое на том же крепостном праве; 2) для уменьшения числа лиц, имеющих право приобретать крепостных и владеть ими: а) лицам, вновь получающим права потомственного дворянства, не предоставлять права владеть крепостными; б) помещикам, имеющим лишь дальних родственников (напр., в 8-й степени и далее) позволять продажу их населенных имений не иначе, как с предоставлением крепостным права выкупиться с землею (см. ниже); и в) наследование в населенных имениях после дальних родственников в определенной степени допускать не иначе, как с освобождением крепостных, приписанных к тем имениям по ревизии и притом с тою землею, которою они действительно владели и пользовались при

жизни умерших их владельцев. Такое правило не было бы несправедливо, потому что тесные родственные связи между далекими родственниками теперь почти не существуют более, имения достаются по наследству от дальних родственников большею частью неожиданно и как бы от совершенно посторонних лиц. Поэтому в некоторых законодательствах возникал даже вопрос: не следует ли вовсе прекратить право наследования в слишком далеких степенях родства; и 3) для уменьшения количества населенных помещичьих имений: а) предоставить всем свободным состояниям в России право приобретать населенные имения, но с освобождением притом приписанных к ним крепостных, с владеемою ими землею, как сказано выше; б) при продаже населенных имений с публичного торга за долги кредитным установлениям предоставлять крепостным, приписанным к тем имениям, право выкупиться самим и с землею, которая находится в их действительном владении и пользовании; или же правительству выкупать их на основании изложенных выше общих правил освобождения помещичьих крепостных. На такие имения могла бы быть перечислена известная часть долга кредитным установлениям; количество следующей им земли — определено посредством особой оценочной комиссии, а выкупная сумма или тою же комиссиею, или же по расчету на основании цены, предложенной за имение на торгах и переторжке*; в) выкупать крепостных с землею, на изложенных выше основаниях, у всех помещиков, владеющих менее чем 30-ю душами, при переходе этих душ из одних рук в другие, по наследству, завещанию, продаже или другим образом. Чрез это мало-помалу стали бы уменьшаться и исчезать мелкопоместные владения, вредные во всех отношениях; г) на тех же основаниях выкупать имения разнопоместные при переходе их каким бы то ни было образом от одного помещика к другому.

II. Надлежало бы всячески содействовать добровольным сделкам между владельцами и их крепостными о выпуске последних на волю с землею и без земли. О способах достигнуть этой цели заметим следующее: а) отпущение на волю крепостных с незапамятных времен считалось у наших предков одним из самых обыкновенных и как бы обязательных подвигов благотворительности и благочестия: не было предсмертного словесного распоряжения владельца, которым бы не увольнялись крепостные. Этот исполненный любви и христианского милосердия обычай следовало бы не только поддерживать, но и всячески развивать между владельцами. Всего ближе это могло бы сделаться при содействии и помощи духовенства, которое, конечно, с радостью воспользовалось бы случаем принять деятельное, согласное с духом Евангелия и святым пастырским призванием, участие в решении этого государственного вопроса первостепенной важности. Невозможно исчислить, какое огромное и благотворительное влияние на успех освобождения крепостных могли бы иметь увещания владельцев и владелиц, со стороны духовенства, отпускать больше людей на волю или вовсе без выкупа, или хотя и с выкупом, но на условиях, как можно более умеренных, как можно менее тягостных для крепостных. Надобно стараться, чтоб достойнейшие, наиболее почитаемые, любимые и влиятельные члены духовенства вошли, по сердечному убеждению, в виды правительства и ради общего блага, ради общей пользы гражданской и христианской, добровольно захотели действовать в этом смысле: они знают, как и к кому отнестись, кому из епархиального духовенства, что и как предписать и внушить; словом, собственное убеждение и любовь укажут им пути и способы действия; б) следовало бы подвергнуть самому внимательному пересмотру и существенно упростить все без изъятия действующие ныне постановления об отпуске на волю крепостных, как с землею, так и без земли; ибо, например, освобождение крепостных

* В 1846 году крепостным предоставлялось право при продаже с публичных торгов имений, к которым они приписаны, выкупаться на волю, но оно не привело к ожидаемым результатам, потому что крепостным вменено в обязанность вносить последне-состоявшуюся высшую цену на тоггах за все вообще имение, и притом на вынос денег дан самый незначительный срок. По несомому из этих условий на крепостных возлагалась тяжелейшая обязанность уплатить очень значительную сумму и взамен приобрести гораздо больше земли и угодьев, чем сколько им действительно нужно; по второму же от них требовалась уплата всех денег в такой короткий срок, в какой иной и капиталист не успел бы изворотиться.

с землею в настоящее время обставлено многосложными формальностями; в) следовало бы также организовать правильным образом и по возможности в обширных размерах, выдачу ссуд тем крепостным деревням, селам и т. п. и даже отдельным лицам, на увольнение которых помещики изъявляют согласие, под условием взноса известной суммы денег. Потребность этой меры очевидна: часто бывает, что крепостные имеют случай выкупиться с землею, на довольно выгодных условиях, и даже деньги у них есть, да не сполна вся требуемая сумма, и из-за этого дело расходуется. Что касается до выкупа из крепостного состояния отдельных лиц, то в больших центрах, например в Москве и Петербурге, он совершается так часто, что давно уже вошел в разряд юридических сделок самых обыкновенных. Происходит это таким образом: крепостные, не имея денег для выкупа, приписывают себе кредитора, который вносит за них всю сумму, а они ее потом у него отслуживают. Такой выкуп, во мнении простого народа, есть дело благочестивое, более удобное богу, чем обыкновенная ссуда. Если б был учрежден банк или отделения банка для выдачи ссуд на выкуп на известных условиях, согласованных с потребностями, способами и нуждами простого народа, то нет сомнения, что при не очень значительном оборотном капитале он оказал бы самую существенную услугу делу освобождения и незаметно доставил бы волю тысячам людей и множеству сел и деревень; и г) надлежало бы содействовать всеми возможными средствами образованию капиталов для выкупа крепостных с землею и без земли. Такими средствами могли бы служить: открытие подписок, постоянных и временных, в целой России; сборы в церквах; разыгрывание лотерей. Следовало бы не только дозволить, но поощрять составление обществ, по образцу благотворительных, с целью выкупа крепостных; эти общества могли бы принимать участие и в составлении договоров или условий между господами и их крепостными о выкупе, и т. п. Многие найдут, может быть, все эти способы неприличными, или, как у нас говорят, неблаговидными; но с этим мнением нельзя согласиться. Если не считается неприлично подписка на выкуп пленных, на вспоможение раненым, на покупку им не только пищи, белья, платья, но даже лекарств, корпии и разных целебных и прохладительных снадобьев, если никому не приходило еще в голову считать неблаговидными пожертвования деньгами и вещами в пользу бедных, вдов и сирот, на выкуп должников из тюрьмы, на содержание бедного духовенства, церквей, в пользу войск, даже на покрытие военных издержек, то нет причины, почему бы неприлично или неблаговидно было собирать пожертвования на упразднение крепостного права.

III. Выше было замечено, что император Александр I старался поставить в крепостном праве на первый план не личность крепостных, а землю, недвижимую собственность и к ней, так сказать, приурочить повинности и обязанности крепостных к владельцам: мысль глубокая. Начать теперь развивать эту мысль во всех ее подробностях едва ли было бы полезно, потому что всякая попытка определить отношения между крепостными и их владельцами, при теперешней низкой степени образования России и неустройстве местной администрации и полиции, вместо того чтоб оградить крепостных, повела бы только, как показал опыт, к усилению взаимного неудовольствия господ и крепостных и к бесчисленным новым, разорительным процессам. Поэтому было бы осторожнее, даже, может быть, справедливее, и во всяком случае полезнее, имея целью выкуп и окончательное, полное освобождение крепостных, ограничиться, при осуществлении означенной выше мысли, теми только мерами, которые, подготавливая повсеместное освобождение, в то же время не нарушали бы материальных интересов владельцев. В этих видах можно было бы: а) выкупить всех одноворческих крестьян без земли. По девятой народной переписи их числилось не более 6 347 душ мужского пола; б) окончательно запретить, под каким бы то ни было предлогом, владеть крепостными без земли. Подобное запрещение существует уже и теперь, но оно ослаблено изъятиями, так что даже до сих пор есть законом дозволенные способы владеть крепостными, не приписанными к земле; и в) окончательно запре-

тить продажу и отчуждение крепостных без земли, под каким бы то предлогом ни было, потому что такие продажи подают повод к самым вопиющим злоупотреблениям, например, по отправлению рекрутской повинности.

IV. Наконец для того, чтоб иметь возможность приступить к повсеместному освобождению помещичьих крепостных в целой империи, надлежало бы собрать предварительно все статистические данные, необходимые для составления проекта выкупной операции, подготовить достаточное число благонамеренных, бескорыстных и просвещенных чиновников, хорошо знакомых с юридическою и экономическою стороною крепостного права и расположить в пользу освобождения общественное мнение. Для достижения всех этих целей прежде всего необходима гласность. Нет сомнения, что лишь только крепостное право и способы его упразднения сделаются предметом подробного рассмотрения и обсуждения в печати и начнется обмен мыслей об этом предмете, — общественное мнение, под влиянием рассуждений и прений, скоро сложится, будут собраны об крепостном праве весьма подробные и основательные сведения и данные и образуются люди и чиновники, какие нужны для успеха дела; словом, все необходимые орудия для упразднения крепостного права создадутся сами собою и станут в распоряжение правительства, а ему останется только пользоваться ими. Согласно с этим, надлежало бы принять следующие меры: 1) Для собрания статистических сведений: по каждому уезду, в котором есть крепостные, собрать за несколько последних лет точные и полные данные о том: а) сколько в нем находится всего крепостного населения; б) по сколько десятин земли приходится на каждую крепостную душу; в) сколько из них находится в действительном пользовании крепостных и след., будет подлежать выкупу; г) какая средняя цена десятины земли удобной — пахотной, луговой, покрытой лесом и проч. и неудобной; д) какая цена одной ревизской души без земли; е) какая средняя цена одной ревизской души в общем составе населенного имения и ж) сколько в уезде оброчных и издельных имений, сколько в тех и других особливо ревизских душ и какое в них распределение земли между владельцами и крепостными. Все сведения, собираемые таким образом и частными лицами от себя — печатать, не только с дозволением подвергать их строгой проверке, но с вызовом к тому всех желающих и знакомых с делом; 2) в видах приготовления общественного мнения к упразднению крепостного права следовало бы: а) не только разрешить владельцам совещаться между собою об удобнейших способах освобождения крепостных, преимущественно в той местности, где находятся их имения, но и поощрять их к тому; б) приглашать и поощрять к тому же все существующие в России сельскохозяйственные общества, к занятиям которых этот вопрос непосредственно относится; в) предложить профессорам политической экономии и статистики во всех высших учебных заведениях подробно излагать и объяснять на лекциях пользу и выгоду освобождения крепостных в промышленном и хозяйственном отношениях; выполнить эту задачу им будет тем легче, что наука давно уже признала это положение за истину неопровержимую, не подлежащую никакому сомнению; г) дозволить печатно рассуждать о труде добровольном и принужденном или обязательном, с вознаграждением и без вознаграждения, и о пользе и вреде того и другого вида для государства, общества и частных лиц в хозяйственном и материальном отношениях. Подобные рассуждения принесли бы, особливо при полемике, и ту еще неисчислимую пользу, что в весьма короткое время в нашем обществе сложились бы здравые и ясные политико-экономические и финансовые понятия, отсутствие которых теперь так ощутительно и такие вредные имеет последствия».

Этим оканчивалась первоначальная записка. Она ходила по рукам, вызывала к себе горячее сочувствие во всех просвещенных людях, но вызывала и возражения со стороны некоторых. Сообразив эти возражения, автор прибавил к своей записке рас-

смотрение слышанных им замечаний. Вот извлечения из второй части записки:

«Мысль упразднить помещичье крепостное право выкупом владельческих крестьян со всюю землею, которую они на себя обрабатывают, вызвала много возражений. Благодаря им самый предмет, столь важный, столь, можно сказать, неисчерпаемый, более и более уясняется с различных сторон.

Признавая в полной мере, что всякое замечание и возражение, каково бы ни было, впрочем, его достоинство, указывает или на недостаточную разработку предмета, или по крайней мере на более или менее существенные недостатки редакции, мы считаем себя обязанными для пользы самого дела, со всевозможным вниманием разобрать все без изъятия возражения, которые нам удалось слышать против мысли об освобождении крепостных вообще и в особенности против предложенного нами способа выкупа.

Остановимся сперва на возражениях и замечаниях более общих, имеющих особенную важность, и перейдем потом к подробностям и частностям.

I

Многие решительно восстают против обращения помещичьих крепостных, после их выкупа, в государственные крестьяне, водворенные на собственных землях, и остаются в убеждении, что после освобождения крепостных дворянство в России никак сохраниться не может.

Об этом рассуждают обыкновенно таким образом:

По освобождении, так или иначе, крепостных людей, какое будет их законное положение? Конечно, многие помещичьи имения действительно представляют доказательства беспечности и равнодушия владельцев к благу их крепостных; но, к счастью, число их, с успехом просвещения, видимо уменьшается; а взамен того, сколько же есть таких имений, в коих благоустройство, зажиточность крестьян и образцовый во всем порядок на деле указывают на государственную и административную пользу помещичьей власти. Чем же можно заменить эту власть? На кого перенести с владельцев бесчисленные заботы по внутреннему устройству бывших крепостных общин и попечительство над крестьянами? С другой стороны, дворянство теперь первое сословие в империи и пользуется привилегиями, которые обеспечивают за ним, частью по праву, но еще более на самом деле, известное и притом довольно значительное влияние на общественную и государственную жизнь России. С той минуты, как помещичьи крестьяне будут освобождены и сами станут землевладельцами, дворянство неминуемо потеряет это важное, первенствующее значение, потому что не будет уже ни малейшего основания оставлять за ним те привилегии, которыми оно теперь исключительно пользуется. Потеряв всякое отличие от прочих сословий, оно смешается с ними и по малочисленности своей затеряется в их массе. Может ли дворянство желать такого преобразования? Но, оставляя в стороне дворянство, можно ли желать его для государства и для России? Если б такое преобразование действительно состоялось, то нет сомнения, что грубое невежественное большинство заглушило бы в управлении и общегитии просвещенное меньшинство; нравы стали бы еще грубее, чем теперь, как во всех обществах, где аристократические элементы стоят на втором плане. Азиатская основа нашего народного характера опять стала бы преобладать, как было до Петра Великого, ибо она сдерживается единственно благодаря тому, что во главе народа и управления стоит меньшинство, принявшее европейское влияние и нравы. Итак, сохранение теперешнего положения и роли дворянства в России есть дело государственной важности, а это невозможно без сохранения крепостного права.

Таковы возражения против упразднения крепостного права, которые слышатся отовсюду не только от решительных противников этой меры, но

даже и от тех, которые признают крепостное право несправедливым и во многих отношениях вредным для России.

В основании всех изложенных выше рассуждений лежит, во-первых, недоверие к нашей администрации, особливо к ведомству государственных имуществ, во-вторых, убеждение в том, что значение и влияние должны принадлежать в России не массам, а просвещенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянством.

С тем и другим нельзя не согласиться. Местное наше управление имеет важные недостатки. Мы не станем также защищать местного управления государственных имуществ, хотя, признаемся, и не видим причины, почему бы ему именно принадлежало в этом отношении невыгодное преимущество перед прочими ведомствами. Наконец нельзя не разделять убеждения, что значение и влияние должны принадлежать образованнейшему сословию. Если это справедливо для всех стран в мире, то тем более в применении к России, где просвещение так мало развито в большинстве народа.

Но именно для преобразования местной администрации, для поставления дворянства в то положение, какое ему приличествует, совершенно необходимо уничтожить крепостное право. Последнее породило и питает неудовольствие к дворянству в крепостных и недоверчивость в местной администрации. Внутренний разлад между органическими стихиями России, вытекающий из крепостного права, с его существованием будет сохраняться, с усилением его усилится, с упразднением исчезнет, разумеется если последнее совершится безобидно для простого народа.

Справедливость этой мысли подтверждают и история, и ежедневный опыт.

Что есть администрация? Орудие, посредством которого верховная власть уравнивает различные общественные элементы, приходящие между собою в столкновение или в соперничество. Богатые, знатные, родовитые, сильные, просвещенные, умные имеют огромные преимущества перед бедными, незнатными, безродными, слабыми, непросвещенными, посредственными или глупыми и образуют высший слой человеческих обществ. Необходимое неравенство людей, составляющее, вопреки всем теориям, закон естественный, повело бы к чрезмерному преобладанию меньшей части общества над большинством, если бы не было верховной власти, которой призвание — служить между ними посредницею, охранять и защищать низшие классы, во всех отношениях нуждающиеся в опоре и покровительстве.

В древней России крестьянин называл себя царским сиротою, выражая тем глубокое, вполне верное представление русского народа о верховной власти и ее значении, и вся наша внутренняя история, от первой страницы до последней, есть не что иное, как развитие и применение этого основного воззрения. Не дав у себя развиться, по примеру других славянских племен, феодальным и олигархическим зачаткам, русский народ создал власть, какой не видал еще дотоле мир, и об нее разбились все беды, губившие другие славянские народы. Зорко сторожили мы у себя за неприкосновенностью верховной власти, поддерживали ее всеми силами в шаткие времена и восставали, когда неблагоприятное низводило ее с ее несокрушимого подножия.

Русский царь не дворянин, не купец, не военный, не крестьянин, — он выше всех сословий и в то же время всем им близок. Сила вещей непременно делает русского царя посредником, верховным третейским судьей общественных интересов, справедливым мериллом притязаний всех классов и сословий. Строго, даже сурово и временами жестоко сдерживали наши древние самодержцы притеснения простого народа. Защищая слабого против сильного, они должны были мало-помалу создать себе покорное и надежное орудие своего призвания, чуждое интересов обеих соперничающих сторон. Таким орудием является, почти тотчас же после возникновения самодержавия, сословие дьяков и подьячих, зародыш и первообраз звания чиновников. Это сословие вербовалось из людей темных, но более или менее гра-

мотных и деловых, не принадлежавших ни к какому званию или покинувших свое звание и потому чуждых всяким общественным и сословным интересам. Степень образованности, бескорыстия и добросовестности этого класса зависит от степени общего народного образования и нравственности; но как в полуварварских, так и в высокопросвещенных государствах характер, значение и общественное положение этого класса остаются те же, пока не изменятся самые отношения между сословиями или общественными интересами. Русская пословица: «поссорь бог народ, накорми воевод» навсегда останется и в буквальном и в переносном смысле истинною для всех в мире народов. Напрасно многие думают, что бюрократическое управление, посредством чиновников, может быть введено или уничтожено по произволу; напрасно приписывают они вред, происходящий от бюрократической системы, эгоистическим, себялюбивым видам правительства. Бюрократия есть необходимый плод взаимной вражды и недоверия сословий и общественных интересов, не умеющих или не желающих притти к какому-нибудь соглашению. Говорят, что бюрократия порождена недоверием правительства к народу. Но так ли это? Порядок вещей, при котором низшие слои общества, по необразованности, отсутствию общественного духа и своему положению, совершенно подчинены влиянию высшего сословия, а последнее всеми силами стремится исключительно, эгоистически воспользоваться этим влиянием в свою только пользу, едва ли и заслуживает доверия. Народ, как целое, тут ни при чем. Всякому правительству, конечно, во всех отношениях было бы удобнее управлять народом посредством высшего класса, который по своему положению между верховною властью и низшими слоями общества мог бы служить наилучшим представителем всенародных польз и ходатаем за них. Но ненормальное отношение высших классов к низшим вынуждает правительство питать к первым некоторое недоверие и только отчасти, с важными ограничениями, предоставлять им участие в делах общественных.

Эти выводы вполне подтверждаются у нас на деле. Наше местное управление, можно сказать, основано на недоверии. Им только и объясняется глубокая тайна, окружавшая не только правительственные распоряжения, но и просительские дела, чрезмерное сосредоточение в центральных государственных установлениях бесчисленного множества маловажных дел и бумаг, которым следовало бы оканчиваться в местах уездного управления и уже ни в каком случае не восходить далее губернских инстанций; чрезвычайное развитие в местном управлении начала бюрократического, чиновного, при заметном ослаблении начала сословного и выборного. Отсюда прямо или косвенно происходят все коренные недостатки теперешней нашей системы управления, для устранения которых одно только и есть действительное, вполне надежное средство: все дела местного интереса и управления, не имеющие общей государственной важности или даже не касающиеся в одно и то же время нескольких местностей, предоставить окончательно решению местных учреждений; для этого сословные дела вверять заведыванию выборных из самых сословий, а общие земские дела — учреждениям, образованным частью из чиновников, частью из выборных, поставленных в независимое положение от исполнительных властей; затем, для устранения злоупотреблений, обыкновенных спутников секретного делопроизводства, административного произвола, безответственности и безнаказанности, подчинить местное управление, в некоторой мере, контролю публичности и гласности.

Нетрудно доказать, что если привести в исполнение все изложенные выше меры, то дворянство, класс самый просвещенный, самый зажиточный, самый сильный по своему положению и связям, получит решительное влияние на губернское и уездное управление; в этом сословии разовьется сословный дух, который будет иметь большой вес в целой народной жизни. Не будь дворянство поставлено чрез крепостное право в ложные, ненормальные отношения к половине сельского народонаселения империи, правительству оставалось бы только с радостью воспользоваться случаем в одно и то же время и облегчить государство от тяжкого бремени дурного местного управления и

действовать на непросвещенные массы чрез лучших, достойнейших представителей народа. Недоверие скоро заменилось бы доверием и любовью. Крепостное право поставило этому непреодолимую преграду.

Но теперь, когда крепостной получит свободу с землею, обеспечивающего его и его семейства, — теперь дворянин и крестьянин, сделавшись землевладельцами, придут в нормальное отношение, будут иметь одни общие интересы, и дворянство перестанет опасаться необходимых и полезных преобразований, и исчезнет недоверие между ними. Простой народ увидит в дворянстве своего естественного, достойного доверия представителя, потому что, имея одни и те же интересы с простым народом, дворянство будет иметь все способы защищать их для себя и вместе для простолюдинов. Весь народ сольется в единое целое, в котором будут различия, будут высшие и низшие классы, но не будет вражды и внутренней разорванности.

В заключение сделаем еще одно замечание. Многие думают, что должно освободить крепостных вовсе без земли, или с одною усадьбою, или с одною десятиною пахотной земли. Для обеспечения крестьян предлагают, взамен поземельной собственности, учредить для них вечную или продолжительную аренду в помещичьих землях, а управление крестьянскими общинами вверить владельцам дворянских имений, но с разными ограничениями, посредством выборных из крестьян. Подобных комбинаций предлагается множество, с разными вариациями, но все имеют одну цель: удержать за дворянством всю или почти всю землю и чрез это поставить от него в хозяйственную и политическую зависимость крестьянина. Думают, что если так было и есть в большей части Европы, то почему же не быть тому точно так же и у нас? Мы, с своей стороны, совершенно не разделяем этого мнения. Дворянство, которое с первого взгляда должно чрез это выиграть, всего более потеряет, ибо, если теперь, когда владелец, по закону и по необходимости, еще заботится о крепостных, последние тяготеют своим положением, то что будет, когда такие заботы с него снимутся и в то же время крестьянин останется на деле в большей или меньшей зависимости от бывшего своего помещика? Неудовольствие между дворянством и крепостными обратилось бы тогда в явную и открытую вражду, которой, конечно, никто не пожелает ни для России, ни в особенности для дворянства. Наш крестьянин не латыш и не естонец, не покоренное племя, а подданный великой державы, которую сам создал и поддерживает. И он это очень хорошо понимает. Нет, для счастья России во сто крат лучше было бы предоставить вопрос о крепостном праве судьбе, даже решению слепого случая, чем было бы решить его неосновательно, противно русской истории, русскому духу, будущности России! Для нашего крестьянина прикрепление к земле началось в то самое время, когда Европа уже стояла на пути к упразднению крепостного права; мы знаем, по примеру Европы, ближайшие и отдаленные горестные последствия освобождения крестьян без земли. Воспользуемся же этим опытом, чтоб решить вопрос иначе, правильнее, чем он решен в большей части европейских государств. Пусть высочайшая справедливость, беспристрастие, общая государственная и народная польза руководят нас при упразднении крепостных отношений; ибо только под одним этим условием Россия получит несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при котором невозможны будут междоусобия, терзающие Европу. Вместо того чтоб поправлять старую ошибку, как она теперь делает, постараемся ее совсем не делать. *А коренная ошибка есть освобождение крестьян без земли или не со всею землею, ими владеемою.*

II

Почти все убеждены в том, что необходимо произвести выкуп разом в целой империи; а для этого потребовалась бы огромная сумма денег. О выпуске на эту сумму банковых билетов, по отзывам людей специальных, нельзя и думать, потому что вследствие такой операции число кредитных знаков,

обращающихся в империи, далеко превзошло бы действительную в них потребность и непременно следствием этого было бы банкротство, которого не отвлечет капитал обеспечения в шестую часть выкупной суммы.

Может быть опасения эти и не оправдались бы на деле; но если все так думают, то такое общее убеждение уже само по себе делает подобный способ выкупа невыполнимым.

Взамен его, люди специальные и практические предлагают выпустить на всю выкупную сумму 4-процентные облигации, в виде бессрочного долга, конечно с удержанием за государством права выкупить эти облигации впоследствии, когда признает это нужным, по курсу. Нет никакой надобности принуждать владельцев принимать эти облигации в уплату за их имения: облигации могут быть распроданы в России и за границей, помещикам же должно быть предоставлено на волю получать уплату облигациями или деньгами. Такая операция, по мнению тех же специальных людей, не представляет никакой опасности и никакого риска.

Для обсуждения этого предположения, вот некоторые числовые данные.

Если положим, что за каждую выкупаемую ревизскую мужеского пола душу, с предложенным в проекте количеством земли, придется выплатить владельцам по средней оценке от 105 до 150 руб. сер., то с каждой из этих душ пришлось бы ежегодно взимать выкупного платежа от 4-х руб. 20 к. до 6-ти рублей.

Этот расчет требует некоторых пояснений.

1) При назначении 105—150 руб. основанием служили следующие соображения:

а) В землевладельческих губерниях средней полосы России, имеющих относительно частое народонаселение, как-то: Тамбовской, Рязанской, Орловской, Тульской, Курской — имения оцениваются не по числу душ, а по количеству земли; наделение землею крестьян по 6-ти десятин на тягло считается роскошным; если в имении число тягол составляет половину числа ревизских душ, то такое отношение считается особенно благоприятным; наконец средняя цена земли в названных губерниях составляет от 35 до 50 р. сер. за десятину.

б) В многоземельных и малонаселенных губерниях южной и юго-восточной части империи земля хотя несравненно дешевле, чем в Центральной России, но зато там, вследствие залежной системы, ее дается крестьянам несравненно больше.

в) Что касается оброчных имений промышленных губерний — Ярославской, Костромской, Нижегородской и проч., то здесь средний оброк с тягла можно положить примерно в 20 руб. А как здесь еще более, чем в губерниях земледельческих, число тягол только вдвое менее числа душ, то подушный оброк господину составит 10 р. сер., то есть от 6% до 7% с капитала в 150 руб., как обыкновенно и оценивается средний доход с оброчных и даже с земледельческих имений, кои почему-либо не поставлены в особенно выгодные или особенно невыгодные условия.

2) Некоторые думают, что было бы несправедливо выплатить владельцам сполна, по оценке, всю выкупную сумму за отходящую от них часть имения и крестьян, потому что на владельцах лежат обязанности в отношении к крепостным, которые требуют денежных расходов и которые с освобождением перенесутся на самих крестьян. За это справедливость требует сделать соразмерный вычет из следующего владельцам вознаграждения.

Против этого должно заметить, что если бы вознаграждение владельцев предполагалось произвести по расчету чистого и валового дохода от имений и по оценке повинностей, работ и служб крепостных в пользу помещиков, то, конечно, вычеты или удержания из выкупной платы были бы справедливы и естественны. Но такая оценка и такие расчеты совершенно невозможны и практически невыполнимы по отсутствию правильного хозяйства и счетоводства в большей части помещичьих хозяйств, по неопределенности повинно-

стей, работ и служб крепостных в пользу владельцев и совершенному отсутствию всякого законоположения об этом предмете, но неразвитию промышленности, вследствие чего во многих местностях невозможно определить, даже приблизительно, цен на разные работы по недостатку просвещенной, хорошо устроенной местной администрации, на которую бы можно было возложить важную, многосложную, деликатную и трудную задачу точного вычисления следующего владельцу каждого имения вознаграждения. По всем этим причинам должно произвести оценку имений по существующим на месте ценам, которая гораздо проще и выполнимее, чем дробные расчеты, а при такой оценке нет причины делать вычеты из выкупной суммы, потому что местные цены на имения не могли составиться без соображения разных по ним расходов.

III

Владельцы населенных издельных или барщинных имений в губерниях земледельческих, как средней полосы, так в особенности Малороссийских, убеждены, что в случае выкупа крестьян со всею землею, которую они на себя обрабатывают, последние до такой степени были бы обеспечены в способах существования, что по свойственной земледельческому населению привычке довольствоваться малым и по врожденной жителям южных краев лени и беспечности они долго и не подумали бы наниматься в работники у бывших своих помещиков или нанимать у них землю, а стали бы довольствоваться тою землею, которая останется их собственностью; помещики же, от совершенного недостатка в рабочих и в арендаторах, были бы поставлены по крайней мере сначала на довольно продолжительное время, в самое затруднительное положение, а менее достаточные успели бы между тем совершенно разориться.

Этого возражения нельзя не признать заслуживающим уважения. Но сохранение за крестьянами всей земли, которую они теперь на себя владеют, мы считаем, по изложенным в проекте и в настоящей записке основаниям, до такой степени во всех отношениях существенно важным условием освобождения, что для устранения некоторых, хотя и вредных, но во всяком случае временных его последствий, по нашему убеждению, невозможно пожертвовать главным, основным началом и оставить крестьян без земли или же с количеством земли для них недостаточным. Притом же можно, кажется, поспособить делу разными косвенными, временными мерами, а именно: обязать выкупленных крепостных на известный срок отбывать в пользу бывших их владельцев известные, законом определенные работы, повинности и службы, в известном, законом же определенном количестве и за денежную плату со стороны помещиков, по установленной законом таксе. Эта мера не только обеспечила бы владельцам нужные для их хозяйств рабочие силы, но дала бы и самим крестьянам надежное средство аккуратно и сполна выплачивать ежегодный выкупной сбор. Можно было бы даже, для совершенного обеспечения этих платежей, постановить правилом, что заработанные крестьянами у их бывших помещиков деньги вносятся последними от себя в уплату следующего с крестьян ежегодного выкупного сбора, и только излишек выдается крестьянам на руки. Но для пользы как владельцев, так и самих крестьян необходимо при определении работ и служб принять за правило, чтобы: 1) число работников и работниц было назначено с общины, а не с дома или тягла; 2) крестьянам предоставлено было право вместо себя посылать на работу наемных людей; 3) никакие другие обязанности, кроме прямо относящихся к земледелию, на крестьян возлагаемы не были; 4) эти обязанности или повинности были ограничены самою неизбежною потребностью владельца, без малейшего излишества; 5) помещику предоставлено было право не пользоваться рабочими, если в них не нуждается, и в таком случае и не платить им узаконенной платы; 6) чтобы работы были определены с возможною точностью и возможным соблюдением пользы крестьян; так, на-

пример, чтоб владелец не имел права переносить рабочих дней из одной недели в другую, заменять одну работу другою по произволу, требовать конного рабочего вместо пешего, работника вместо работницы, увеличивать урок или число рабочих часов в рабочем дне и т. под.; 7) урочные положения были составлены по каждому роду работ, применяясь к местным обычаям и условиям.

IV

Кроме изложенных главных возражений на проект, сделаны еще некоторые другие, не столь существенно важные замечания, на которые, однако, мы тоже считаем обязанностью отвечать, по крайнему разумению.

1) На каком основании следует произвести освобождение дворовых?

О дворовых не сказано в проекте особливо, потому что они разумеются вообще под крепостными, приписанными к имениям, и нет основания отделять дворовых от крестьян; ибо есть дворовые, несущие тягло, и есть крестьяне, служащие помещикам лично и не имеющие тяглого поземельного участка. Таким образом, различие их несущественно, и почти невозможно провести между этими двумя разрядами крепостных точной разграничительной черты. Притом же это и совершенно не нужно. Сколько есть и теперь приписанных к деревням и селам крестьян, которые не имеют в них поземельного владения, а между тем числятся по приписке при своих крестьянских общинах и несут с ними подати и повинности? В таком же точно положении могут находиться и дворовые после освобождения. Там, где ценность имений определяется ценностью земли, с переложением податей и повинностей на землю, распределяются по владению и ежегодные выкупные платежи, и тогда на приписанных к выкупленным имениям дворовых, не имеющих тягловых участков, останутся только личные повинности, как-то: рекрутская, по выбору в разные должности и по сословным или мирским складам и т. под. Если же им почему-либо окажется неудобным принадлежать к выкупленным сельским обществам, то они припишутся к тому или другому городу, смотря по удобству. В тех же местностях, где ценность имения определяется не только ценностью земли, но и стоимостью труда, на выкупленных дворовых должна быть зачислена определенная, по расчету, часть выкупной суммы, и проценты с нее взыскиваться с них в виде поголовной подати, к какому бы состоянию выкупленный дворовый впоследствии ни приписался. Так как эта часть не может быть значительна, то можно будет даже, для упрощения расчетов, взыскать ее с выкупленных дворовых в течение нескольких лет, уравнивая их, по взносу всей выкупной суммы, в платежах с теми званиями, к которым они припишутся. Наконец, что касается до круглых бобылей и бездомников из дворовых, которые по старости, болезням или по недостатку умственных способностей не могут кормиться сами собою, а также малолетних и сирот, то все они поступят по выкупе на попечение сельских обществ, к которым приписаны, как поступают теперь подобные лица из крестьянского звания на попечение мира.

2) На каком основании должна быть произведена раскладка ежегодных выкупных платежей между выкупленными крепостными?

Самый нормальный, самый правильный способ раскладки, конечно, был бы по поземельному владению и промыслам, уравненный если не в целой империи, то по крайней мере по каждой губернии. Но такая раскладка предполагает оценку земли и промыслов, которая потребовала бы много труда и времени. Поэтому, чтоб не замедлить и не усложнить дела освобождения, едва ли не было бы полезнее на первый раз зачислить долгом на каждом выкупленном имении сполна всю заплаченную за него владельцу выкупную сумму, которая и распределится между приписанными к тому имению, подобно прочим податям и повинностям. Затем, тотчас же по освобождении целого какого-нибудь уезда, может быть немедленно произведено уравнивание выкупных платежей между всеми выкупленными имениями того уезда, а с

уничтожением крепостного права в целой губернии — между всеми выкупленными имениями той губернии.

3) Многие думают, что следовало бы предоставить крепостным право выкупаться без земли, за определенную законом цену, даже без согласия владельцев.

Об освобождении крепостных без земли подробно говорено нами при изложении плана выкупа и в настоящей записке. Прибавим, что дозволение крепостным выкупаться без земли, лишив владельческие имения самых богатых, самых промышленных крестьян, обратило бы лучшее сельское население в неоседлых бездомников. Не думаем, чтоб правительство, в общих государственных видах, могло согласиться на подобную меру, которая, вдобавок, поставила бы крепостных еще более в ложные и щекотливые отношения к владельцам, чем теперь. Если подобную меру допустить возможно, то только разве в отношении к дворовым, не имеющим тяглого участка и не занимающимся сельскими промыслами. Но и в таком случае нужно приступить к делу весьма осторожно и обдуманно, потому что, как выше замечено, между сословием крестьян и дворовых резкой разграничительной черты нет.

4) Некоторые утверждают, что нет надобности выдавать владельцу всю выкупную сумму сразу, можно ее выплатить в несколько сроков, потому что поставление помещичьих хозяйств после освобождения крепостных на новую ногу очень больших издержек не потребует, а между тем большинство дворянства избегнет опасности, к крайнему своему разорению, растратить всю полученную им выкупную сумму непроизводительно и чрез это притти в безвыходное положение.

Постепенная выплата помещикам выкупной суммы, конечно, чрезвычайно упростила и облегчила бы выкупную операцию; но обязать их довольствоваться посрочным получением капитальной суммы, без их на то согласия, едва ли было бы справедливо и полезно для государства. Имения оборочные, малоземельные, будут подлежать выкупу в полном составе, так что их владельцам придется или купить другие земли, или обратиться к какой-нибудь отрасли обрабатывающей промышленности. В том и другом случае им понадобятся капиталы, более или менее значительные, и в выплате их немедленно по цене освобождаемого имения правительство, по справедливости, отказать не может, не поставляя самого себя в необходимость принять на свое попечение всех дворян, разорившихся от неполучения разом следующей им за имения суммы. То же самое должно сказать и обо всех мелкопоместных владельцах, которым будут причитаться суммы столь незначительные, что при рассрочке они станут совершенно ничтожны и послужат разве только для кратковременного пропитания получателей.

Многие предлагают выдавать помещикам проценты за недоплаченную им часть выкупных денег; но эта мера, по изложенным причинам, не могла бы заменить получения капитальной суммы и притом какой назначить процент? Четыре — было бы ниже того, что дает имение, а больше — было бы тяжело для крестьян или для государства — О замечании же, что дворяне могут воспользоваться выплаченными им суммами не так, как следует добродетельным хозяевам, мы, право, не знаем, что и сказать. Оно похоже на то, как если бы правительству рекомендовали приставить к каждому купцу по чиновнику для наблюдения за тем, чтобы он правильно вел свои коммерческие обороты и конторские книги, ибо купец может же иногда повести дурно свои дела и промотаться или обанкротиться. Конечно, будут помещики, которые после выкупа разорятся. Но разве нет таких и теперь? По аналогии следовало бы уже отныне запретить выдавать им деньги под залог имений. Все подобные опасения, вытекающие из совершенно ошибочного взгляда на святой долг правительства заботиться о благе своих подданных, к счастью, не имеют основания; большинство дворянства давно уже принялось за ум и понемногу распутывает гордые узлы, завещанные ему более беспечною, менее предусмотрительною эпохою. И это направление усиливается, а не

ослабляется. Беззаботных людей стало в России очень мало. Это племя теперь почти переводится.

5) Многие предвидят затруднения при уступке крестьянам владимирскими помещицкой земли в том, что в некоторых имениях крестьянское и помещицкое поля не отведены к одним местам, а лежат чересполосно. Пока все имение принадлежит одному владельцу, это не представляет никаких неудобств; но когда крестьяне, в границах теперешних своих полей, станут самостоятельными землевладельцами, положение изменится. Между бывшим помещиком и его бывшими крепостными начнутся беспрерывные столкновения, тяжбы и ссоры, словом, обнаружатся все бедственные последствия чересполосицы.

В отношении к многим имениям замечание это вполне справедливо, хотя нельзя утверждать, что все имения более или менее находятся в таком положении. Поэтому крайне было бы ошибочно в предвидении означенных затруднений поручить оценочным комиссиям по выкупу крестьян во всех выкупаемых имениях произвести чересполосное размежевание между помещиками и крестьянами; ибо чрез это крайне усложнилось бы исполнение главнейших обязанностей комиссии по отводу земель и оценке выкупаемых имений. Итак, всего правильнее было бы, кажется, дать этим комиссиям право производить чересполосное размежевание в тех только случаях, когда оставление чересполосного владения в выкупаемых имениях было бы, по особенно важным причинам, совершенно невозможно, наприм., если бы владелец или крестьяне, оставаясь в настоящих границах землевладения, были отрезаны от воды или не имели проезда на пастбища, пашни, луга и т. под. Там же, где нет такой крайней необходимости изменить порядок землевладения, лучше, кажется, предоставить уничтожение чересполосности обыкновенному ходу этих дел, чтобы не отвлекать оценочных комиссий от отвода земель и оценки имений.

6) Многие думают так: если принять за правило, что помещицкие крестьяне должны быть выкуплены со всюю землею, которою владеют, то все почти оброчные имения вышли бы из частного владения в полном составе и владельцам ничего бы в них не осталось. Но чрез это в очень многих случаях были бы нарушены заветные, фамильные воспоминания и предания, связывающие старинные дворянские семейства с их родовыми вотчинами, и притом вследствие такой системы выкупа во многих губерниях дворянство исчезло бы совсем.

Против этого заметим, что все важные государственные преобразования всегда имеют, при существенно хороших сторонах, некоторые свои неудобства. Фамильные воспоминания, конечно, заслуживают всякого уважения; но нельзя же жертвовать для них общими государственными и народными пользами. С другой стороны, должно заметить, что в большей части оброчных имений владельцы сами не живут, а след., и воспоминания, связующие эти имения с их родовыми владельцами, приходят в упадок и забвение. С точки же зрения государственной и экономической пользы и справедливости, выкупа оброчных имений в полном их составе никак нельзя отвергать. Оброчные имения преобладают преимущественно в губерниях малоземельных и промышленных, где сословие больших зажиточных землевладельцев в действительности не существует, потому что там большая часть помещицких имений суть оброчные, в которых всю землю и угодьями владеют крестьяне, а имений барщинных или издельных очень мало. Притом же у нас есть целые края, даже не промышленные, а сельскохозяйственные, где дворянства нет вовсе, и, однако, отсюда не происходит никакого неудобства ни для государства, ни для управления, ни для самой страны. Заметим, что в промышленном, не сельскохозяйственном, краю влияние и значение естественно принадлежит богатым промышленникам, а не большим землевладельцам. След., и в этом случае выкуп всей земли, владимирской крестьянами, будет иметь наилучшие последствия, водворяя нормальные отношения там, где крепостное право рождает теперь искусственные явления в области хозяйства и промышленности, а вла-

дельцы ничего от того не потеряют, потому что получают полное вознаграждение за все свое имение.

7) В изложении проекта, в выноске, по поводу вопроса, с каким количеством земли должны быть выкуплены крепостные, замечено, между прочим, что для южных и юго-восточных губерний, где существует система залежей и обрабатываемая пашня менается, нельзя определить по владению ту землю, которая подлежит вместе с крестьянами выкупу, а надобно назначить законом ее количество. Против этого замечают, что для определения этого количества нетрудно постановить общее правило. В каждом имении известно, сколько земли дается на каждое тягло под ежегодную распашку, сколько лет такая или другая земля может быть сряду обрабатываема и потом должна быть оставляема в залежи. По одним этим данным можно совершенно точно определить, сколько земли должно быть выкуплено в данном имении: для этого надо разделить число тех, в продолжение которых оставляется в залежи, на число лет, в продолжение которых можно сряду возделывать одну и ту же пашню; потом прибавить к частному числу единицу и сумму помножить на число десятин, какое ежегодно дается под запашку каждого тягла, наконец это произведение следует помножить на число тягол в имении; последний результат и определит с точностью количество пашенной земли, подлежащей выкупу в имении южного и юго-восточного края. Таким образом, положив, например, что в данной местности земля пашется сряду четыре года и отдыхает в залежи двенадцать, — ежегодная запашка каждого тягла = 5 дес., а число тягол в имении = 50, найдем, что в том имении будет подлежать выкупу $(12\frac{1}{4} + 1) \times 5 \times 50 = 1000$ десятин, то есть по 20 дес. на тягло или по 10 дес. на душу; ежегодная запашка составит 250 дес.; от оставления в залежь первых 250 дес. прочие 750 дес., разделенные на три участка, по 250 дес. каждый, будут возделываться по четыре года, вследствие чего к первому возвратятся опять ровно через двенадцать лет.

Это правило для расчета количества десятин земли, подлежащей выкупу в южных и юго-восточных губерниях, вполне справедливо, и им должно бы воспользоваться при составлении инструкции для оценочных комиссий.

8) Многие думают, что совершенно необходимо дать оценочным комиссиям в руководство какие-нибудь положительные основания для произведения оценки выкупаемым имениям, иначе произволу членов комиссий и поискам неблагонамеренных владельцев откроется слишком большой простор. Полагают, что таким основанием могли бы служить для каждой местности средние цены, выведенные из купчих крепостей, совершенных между частными лицами в течение последних десяти лет, но отнюдь не из аукционных продаж. Полагают, что разница выведенных из крепостей средних цен против действительных если бы и оказалась, была бы самая ничтожная.

Опасение, выражаемое этим мнением, конечно, очень основательно и справедливо. Но мера, предлагаемая для ограничения произвола оценщиков, встретила бы единогласные и справедливые возражения и жалобы со стороны помещиков. Цены населенных имений никогда не означаются в крепостных актах свыше установленных законом наименьших цен, по расчету которых взимаются гербовые и крепостные пошлины; в действительности же они всегда, постоянно, гораздо выше их. Следовательно, принять за основание цены, показанные в купчих, значило бы уменьшить против действительности следующее владельцам вознаграждение за крестьян и за землю, вопреки справедливости и в ущерб владельцам. Конечно, во всех отношениях было бы весьма желательно найти какое-нибудь постоянное мерило оценки для ограждения интересов тех, которые сами почему-либо не могут отстаивать свои права и пользы. Но, к сожалению, мы ничего в этом роде не знаем и не придумаем. Самым надежным ручательством все-таки остается выбор в оценочные комиссии честных и знающих людей, хотя бы даже одного председателя или прокурора. Мы не хотим верить, что в целой империи нельзя было приискать каких-нибудь четырех сот или пяти сот совершенно

честных и порядочных чиновников, особенно назначив им порядочное содержание. Если в то же время объяснить выкупаемым крестьянам, что земля по выкупе будет принадлежать им на правах собственности, что они сами будут ее оплачивать и что, следовательно, им самим будет выгодно не дать переоценить ее, чтоб не платить лишнего, то, без сомнения, крестьяне сами будут наилучшими блюстителями своих выгод. Кто не видал и не знает, по собственному опыту, как хорошо наш крестьянин понимает свое положение и свои выгоды? Особенно это выказывается при полюбовных чересполосных размежеваниях. Владелец никогда не сумеет так основательно и твердо отстаивать крестьянского поля в своих поместьях, как сами крестьяне, и кто заботится о том, чтоб сохранить это поле без уменьшения в качестве или количестве, тому стоит только поручить это самим крестьянам.

Желание найти основание оценки имеет, кроме изложенной стороны, еще и другую. Оно предполагает, что для каждого уезда (так как оценочные комиссии должны быть учреждены по уездам) будут постановлены одни общие, нормальные цены, и по ним будет делаться расчет выкупной суммы, следующей владельцам населенных имений, посредством умножения этих цен на число ревизских душ или десятин земли, подлежащих выкупу. Не спорим, что под такую гуртовую или валовую оценку действительно подойдет самое значительное число выкупаемых имений, но зато в некоторых, и даже во многих случаях, такая оценка была бы неправильна.

Кто не знает, что смотря по местоположению, удобству для сбыта произведений, промыслам и достатку крестьян, цена имений колеблется между суммами, очень далеко отстоящими одна от другой? Конечно, при низких средних ценах крестьяне этих имений, чрез гуртовую оценку, значительно бы выиграли; но зато многие владельцы значительно бы потеряли, и потеряли бы незаслуженно. Поэтому мы думаем, что оценку имений, находящихся в исключительном положении, справедливо было бы производить особливо, назначая по ним особливую выкупную сумму, большую или меньшую против средней, не стесняясь последнюю.

9) Очень многие находят, что способ выкупа и расчеты по уплате крестьянами капитального долга и процентов изложены в проекте неполно.

Хотя пояснение этого способа, собственно говоря, уже излишне после того, как мы предлагаем в настоящей записке другую, более удобоприменимую систему выкупа; однако, так как мнения об этом могут быть различны, то мы поставяем себе в обязанность изложить для желающих предположенный в прежней записке способ выкупа наглядно, примерами.

Положим, что в имении, подлежащем выкупу, считается 100 душ, и каждая из них оценена, с выкупаемою землею, в 125 р. сер., так что следовало бы уплатить владельцу за имение 12 500 р. сер. По предположенной первоначально выкупной операции, изложенной в проекте, банк выплачивает эту сумму владельцу билетами, обеспечивая ее металлическим фондом в 1/10 ее часть, а именно 2 083 1/3 руб. Если выкуп билетов разложить на 37 лет, то крестьянам означенного имения пришлось бы выплачивать ежегодно:

Одну тридцать седьмую часть всей выкупной цены,—	
(почти)	338 руб.
1/2% со всей выкупной цены, на покрытие издержек выкупной операции	62 руб. 50 коп.
5% с капитала обеспечения, так как последний был бы занят под эти проценты,— (почти)	104 руб. 50 коп.
<hr/> Всего 505 руб.	

что составит несколько более 5-ти руб. сер. с души.
Эти платежи уменьшались бы с каждым годом, сначала только вследствие того, что по мере выкупа капитальной суммы, ежегодный полупро-

центный сбор постоянно бы уменьшался, и так продолжалось бы до выкупа $\frac{5}{8}$ частей всей выкупной суммы, когда металлический фонд обеспечивал бы, наконец, эту сумму не в $\frac{1}{8}$ часть, а уже рубль за рубль. С этой минуты ежегодные взносы стали бы еще быстрее уменьшаться, потому что не только цифра полупроцентного сбора продолжала бы попрежнему ежегодно упадать, но, сверх того, и сумма 5-процентного сбора за капитал обеспечения стала бы тоже постепенно уменьшаться, так что с той минуты, когда выкупная сумма стала бы меньше капитала обеспечения, справедливость требовала бы взимать пятипроцентный сбор не со всего капитала обеспечения, а только с той его части, которая обеспечивает недоплаченную выкупную сумму рубль за рубль. Таким образом, когда последняя будет составлять 2083 $\frac{1}{3}$ руб. сер., то есть сравняется с капиталом обеспечения, пятипроцентный сбор будет еще такой же, как с самого начала; но когда первый станет меньше второго, например не свыше 1500 р., то было бы несправедливо продолжать взимать пятипроцентный сбор попрежнему со всего фонда обеспечения, обеспечивающих выкупную сумму рубль за рубль.

По поводу этой системы выкупа некоторые замечают, что если уже держаться в точности принятого начала, то капитал обеспечения мог бы также уменьшаться постепенно, по мере уплаты выкупной суммы, так чтоб он всегда составлял не более $\frac{1}{8}$ части последней. Поэтому, начав выкуп илений не всех в один год, а разложив эту операцию на несколько лет, можно было бы удовлетворяться фондом обеспечения гораздо меньше $\frac{1}{8}$ части всей выкупной суммы. Соразмерно с тем уменьшился бы и процент. Но такое ежегодное изменение платежей было бы в практике весьма неудобно, а потому можно было бы сделать расчет наподобие того, как рассчитываются проценты с погашением капитала, то есть положив постоянную цифру процентов, но меньшую, чем вышеприведенная. На это есть свои правила и теория.

Замечание это вполне заслуживает внимательного обсуждения.

10) Кроме исчисленных замечаний, сделано было еще и то, что нигде прямо не высказано, хотя и разумеется само собою, что по освобождении крепостных все обязанности в отношении к ним их бывших владельцев, а также всякая ответственность владельцев за бывших крепостных перед правительством совершенно прекращается. С благодарностию упоминаем здесь и об этом замечании вместе с прочими».

Читатель видит, что многие из мер, предлагаемых в этой записке, уже приводятся в исполнение. Он видит с другой стороны, что во многих случаях законодательная власть признала возможным придать более широты своим мерам, нежели как ожидал автор записки, — и конечно, тем лучше оправдались принципы, принятые в основание этой записки и существенно одинаковые с основаниями, которые полагаются делу освобождения крестьян высочайшими рескриптами. Из этого пока мы выводим то следствие, что дело освобождения поведено именно тем способом, какого желало многочисленнейшее большинство просвещенных людей, вообще разделяющих коренные принципы, положенные в основание плану, развитому в приводимой нами записке.

Мы поставляем эту записку, как формулу соединения для людей, подобно нам сочувствующих основным убеждениям автора ее. Что касается подробностей, излагаемых запискою, многие из них, конечно, могут видоизмениться вследствие всесто-

ронного обсуждения частных дел, в ней рассматриваемого, — в следующей статье мы будем говорить о них, следуя тому пути, который указан самим автором записки, собравшим и обсудившим, во второй части ее, возражения и замечания, порожденные его первоначальным проектом.

Теперь, когда настала эпоха гласности для рассмотрения вопроса о способах выкупа, мы слышим очень много и, конечно, прочтем и услышим еще более замечаний на систему, которую мы принимаем в главных ее чертах. Мы не замедлим рассмотреть эти замечания.